

УДК: 821.161.1.09

«НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ...»
(КОМЕДИЯ А. А. ШАХОВСКОГО «ССОРА, ИЛИ ДВА
СОСЕДА» И «ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ
ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ»
Н. В. ГОГОЛЯ)

Александрова Ирина Викторовна,

*д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;
e-mail: iva-510@mail.ru*

В статье анализируется комедия А. А. Шаховского «Ссора, или Два соседа» как один из возможных претекстов «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя. Особое внимание уделяется фабульным и мотивным совпадениям, приемам построения характеров, конструирования комических ситуаций, сатирической иронии.

Ключевые слова: комедия, комедийный характер, мотив, повесть, претекст, фабула.

А. А. Шаховской (1777–1846) – значительная фигура в культурной жизни первой трети XIX века, старший современник Н. В. Гоголя, драматург, чьи пьесы определили репертуар русского драматического театра 1810–1830-х годов, писатель, напряженно размышлявший о судьбе и высоком предназначении самого дорогого ему жанра – комедии. Его художественные поиски в той или иной степени влияли на творчество авторов первой половины столетия, на развитие комедийного жанра в России, причем векторы этих влияний могли быть различны – от притяжения и прямого следования его находкам до полемического диалога и отталкивания (что, однако, не снимает вопроса об ориентации на творческий опыт драматурга).

Нам уже приходилось писать о возможном воздействии комедийных произведений Шаховского на художественные искания Гоголя [1], [2], однако эту тему вряд ли можно считать исчерпанной, чем и определяются *актуальность* данной статьи.

Отечественное гоголеведение неоднократно обращалось к проблеме разнообразных культурных влияний на творчество Н. В. Гоголя. Устанавливались связи писателя с народной смеховой культурой, украинским и польским барокко, эстетикой немецкого романтизма, с философским наследием Г. С. Сковороды, творчеством Д. И. Фонви-

зина, И. А. Крылова, А. С. Пушкина и других авторов – предшественников и современников. Результаты подобных интертекстуальных сближений позволяют рельефнее обнажить суть новаторства автора «Ревизора» и «Мертвых душ», выявить истоки его творчества, внести некоторые коррективы в решение проблем генезиса и типологии гоголевских героев.

С этой точки зрения особый интерес представляет одноактная комедия А. А. Шаховского «Ссора, или Два соседа» (1810) как один из возможных источников гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». **Цель данной статьи** – анализ пьесы в обозначенном аспекте.

Решая вопрос о предполагаемых претекстах повести, исследователи, как правило, рассматривают в этой связи роман В. Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825), представляющийся зримым источником гоголевского сюжета. М. Я. Вайскопф обнаруживает в тексте гоголевской повести ряд ключевых цитат и перифраз из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, «Государства» Платона, «Разговора пяти путников о душевном мире» Г. С. Сковороды; в поисках фабульной основы гоголевского повествования он апеллирует к басне И. И. Хемницера «Два соседа», а из наиболее вероятных западноевропейских источников называет «Историю абдеритов» К. М. Виланда [4, 300–313]. Пьеса же Шаховского в названном ракурсе никогда не становилась объектом исследования гоголеведов. В обращении к этому материалу под указанным углом зрения и состоит *новизна* нашего исследования.

Возможным предшественником прозаического повествования в данном случае оказывается произведение, созданное в драматической форме, что вполне естественно для этого этапа развития литературы. «Диффузия литературных жанров и даже родов в литературном процессе начала XIX века – явление закономерное для периода становления национальной литературы и особо характерное для той быстрой, почти стремительной в России смены форм культурного мышления, которая проявилась в литературе прежде всего» [13, 132]. Комедия в 1820–1830-е годы воспринималась как жанр, насыщенный особой культурной семантикой [7, 29–31]. Интерес Гоголя к комическому театру вполне закономерен, особенно если учесть опыт осмысления писателем комедий его отца, В. А. Гоголя, и его собственную литературную практику (от нежинского периода до последних редакций «Игроков» и «Ревизора» 1840-х годов).

Следствием подобной межродовой диффузии является то, что в составе повествовательной формы важную роль может приобретать драматургическое начало, «существует определенная мера «драматургичности» эпических произведений, порой оказывающаяся весьма высокой» [14, 44–45]. С подобным явлением мы сталкиваемся в по-

вести Гоголя. Здесь находим обилие эпизодов, насыщенных активным внешним действием (например, сцены неудачного примирения, посещения Ивана Ивановича городничим и др.), ярких диалогов, в которых характеры героев раскрываются в речевом поведении, а собственно повествование практически сходит на нет; драматургический код словно просвечивает сквозь эпическую форму. Думается, именно это качество гоголевской прозы имел в виду Ю. М. Лотман, называя Гоголя «самым театральным из русских писателей» [11, 696]. Вместе с тем, анализируя причины неудач театрального воплощения прозаических произведений писателя, ученый совершенно справедливо отмечал многомерность гоголевских текстов, наличие в них множественности смысловых пластов, а потому и невозможность однозначных сценических решений.

Но вернемся к пьесе старшего современника Гоголя.

Комедия Шаховского впервые была поставлена в Петербурге 26 апреля 1810 года, по свидетельству очевидца П. Арапова, «имела полный успех» [3, 205], пользовалась чрезвычайной популярностью. В октябре 1815 года она была сыграна лицеистами в Царском Селе, а в 1821 году вышла отдельным изданием. Сценическая судьба пьесы оказалась вполне счастливой: со сцены театров Москвы и Петербурга она не сходила до середины 1840-х годов [9, 315]. «Это одно из лучших его [Шаховского – *И. А.*] произведений, – отмечал известный театральный деятель эпохи Р. М. Зотов, – потому что тогдашний быт русских помещиков, их страсть к ябедничеству выведены с такою верностию и искусством, что более двадцати лет восхищали зрителей» [8, 12]. С большой долей вероятности можно предположить, что Гоголь мог быть знаком с этой комедией.

Чисто формально в пьесе Шаховского присутствует любовная интрига: в соответствии с существовавшей комедийной традицией, здесь есть пара молодых влюбленных, чье соединение поначалу невозможно из-за серьезного препятствия, которым оказывается ссора соседей-помещиков Сутягина и Вспышкина, отцов юных героев. Драматург в подчеркнуто травестированном виде воспроизводит известный шекспировский сюжет, адаптируя его к российской действительности начала XIX века, к социально-психологическому воспроизведению русских нравов. Сугубо формальная функция любовной коллизии обусловлена тем, что по сути не она движет сюжет комедии, а взаимоотношения ссорящихся. Любовные перипетии предстают бледной тенью на фоне яркого изображения склоки двух вчерашних друзей. Основное внимание автора, как и в повести Гоголя, сосредоточено на раскрытии характеров главных героев. Как отмечает летописец русского театра, «он [Шаховской – *И. А.*] взял ее [комедию – *И. А.*] из истинного происшествия и оттенил в ней мастерски два характера: Вспышкина, собачьего

охотника, и Сутягина, его соседа-ябедника. <...> тут выведена и жена станционного смотрителя; все три роли очень типичны» [3, 205].

Экспозиция конфликта в комедии отсутствует. Да и самой ссоры двух бывших друзей зритель не видит: о причинах ее он узнает из диалога сына Сутягина Виктора и жены смотрителя почтового двора Орфьевны. Причина ссоры российских «Монтеки» и «Капулетти» подчеркнута прозаична, намеренно комически снижена: козел Сутягина забрел на псарню Вспышкина, где его разодрали собаки; Сутягин не остался в долгу и велел пристрелить любимого борзого кобеля Вспышкина. Разгорается распря, от которой больше всего страдают дети посорившихся помещиков. Нетрудно заметить, что повод ссоры столь же ничтожен, как и в гоголевской повести.

Шаховской, как позже и Гоголь, погружает своих читателей в атмосферу провинциального быта: действие комедии разворачивается «на почтовом дворе по Белевской дороге» [16, 3] (Белёв – небольшой городок в Тульской губернии). Фигуры Вспышкина и Сутягина, их глупая ссора «олицетворяют тупость и нелепость провинциальной помещицкой жизни» [6, 24] в не меньшей степени, чем рассказанная Гоголем история тяжбы двух миргородских обывателей.

Оба автора активно прибегают к сходным приемам сюжетосложения, создания характеров, сатирической иронии, конструирования комичных ситуаций. Обращает на себя внимание совпадение ряда мотивов и фабульных узлов: ссора по малозначительному поводу как основа фабулы, добрососедские отношения главных действующих лиц в прошлом, противостоящие нынешнему состоянию раздора; перерастание бытовой распри в судебную тяжбу, уверенность каждой из сторон в собственном успехе (Сутягин: «...знай, что в двух инстанциях дело решено в мою пользу» [16, 39], ср. у Гоголя: «я имею верное известие, что дело решится на следующей неделе и в мою пользу» [5, 275]); неудачные попытки окружающих примирить вчерашних друзей, эпизод вынужденного совместного «застолья» участников конфликта. И в одном и в другом тексте спорщиков возмущает даже самая мысль о возможности сопоставления предметов спора: как можно сравнивать какого-то козла – и отличного охотничьего пса! «Где видано, чтобы кто ружьё променял на два мешка овса» [5, 236], хоть и в придачу со свиной? У Шаховского Вспышкин в пылу ссоры срывает свою злость на людях Сутягина (старосту загнал арапником в болото), у Гоголя подобным же образом ведет себя Иван Никифорович: «если соседняя собака затесалась когда во двор, то ее колотили чем ни попало; ребятишки, перелазившие через забор, возвращались с воплем, с поднятыми вверх рубашонками и с знаками розг на спине» [5, 241]. Разрушение соседского гусяного хлева Иваном Ивановичем – явление того же порядка. В обоих текстах распря обнажает в участниках низменные стремления, в частности, желание из чувства мести нанести ущерб противнику, на-

пакостить ему. Свою досаду вчерашние приятели вымещают и на домашних. Вспышкин восклицает, что ему и дочь не дорога, готов проклясть ее за любовь к сыну обидчика, Сутягин грозит отдать своего сына под суд. Гоголевский Иван Иванович, находясь «в сильном волнении» после ссоры с соседом, «встретивши Гапку, начал бранить, зачем она шатается без дела <...> и когда подбежал к нему запачканный мальчишка в изодранной рубашонке и закричал: «Тятя, тятя, дай пряника!» – то он ему так страшно пригрозил и затопал ногами, что испуганный мальчишка забежал бог знает куда» [5, 239–240]. Одним из руководящих мотивов для ссорящихся является страх перед осмеянием своим кругом в случае безрезультатного прекращения тяжбы. Для Сутягина недопустимо не разорить соперника: «свои же товарищи засмеют» [16, 39]. В гоголевском Довгочхуне эту мысль небезуспешно разжигает Агафия Федосеева: «Над тобой будут смеяться, как над дураком, если ты попустишь! Какой ты после этого будешь дворянин!» [5, 261].

Обоими писателями варьируются мотивы перенесения «вины» животного на его хозяина, наказания животного за нарушение «порядка», только у Шаховского Сутягин сам творит «самосуд» над борзым кобелем противника, а у Гоголя городничий требует представить свинью Ивана Ивановича, утачившую из суда важную бумагу, в участок. Реплика гоголевского городничего «...свиней и козлов я еще в прошлом году дал предписание не впускать на публичные площади» [5, 258] также побуждает вспомнить пьесу Шаховского: именно беспрепятственное передвижение козла по чужим владениям стало первопричиной нелепой распри.

Сопоставление целого ряда фабульных ситуаций и мотивов обнаруживает и различие в их реализации в анализируемых текстах: там, где Шаховской ограничивается лапидарными сведениями о каких-либо событиях и обстоятельствах, Гоголь дает развернутые описания и характеристики; то, что в пьесе представлено в редуцированном виде, в повести, в силу ее принадлежности к иному литературному роду, получает детальное освещение.

У Гоголя за нарочито патетическим восхвалением наивным рассказчиком добродетелей Довгочхуна, за восторженными панегириками достоинствам Миргорода и красоте основной его достопримечательности – огромной лужи – кроется едкая ирония автора, его издевка. Сходное использование подобного приема сатирической иронии обнаруживается и у Шаховского. В комедии за отсутствием нарратора эта авторская интенция воплощается в действии, в речевом поведении персонажей. Положительный герой, морской капитан Брустеров в диалоге со Вспышкиным иронизирует по поводу разительного несоответствия незначительных, на его взгляд, причин ссоры и ее серьезных последствий, которых не желает осознать его собеседник, причем внеш-

не реплики капитана облечены в форму похвалы настойчивости и целеустремленности спорщика-заядлого охотника [16, 33–34]. Однако если у Шаховского этот прием эпизодичен, то у Гоголя он пронизывает всю художественную ткань повести.

Ссора как фабульная основа позволяет Шаховскому создать множество острых комических положений: вчерашние друзья, вынужденные из-за дождя и отсутствия лошадей на станции находиться в одном помещении, на почтовом дворе, постоянно сталкиваются друг с другом, обстоятельства заставляют их вступать в нежелательный для обоих контакт, и это рождает массу комических эпизодов. Шаховской проявляет себя мастером внешнего комизма. В том, как ведет себя находящийся в соре сосед (демонстративно отворачиваются друг от друга, случайно столкнувшись; обзывают один другого «собачником», «крапивным семенем» и «приказной строкой» – каждое из оскорблений воспринимается ими как не менее «поносное имя», нежели «гусак» для гоголевского Перерепенко), уже есть предощущение поведения гоголевских героев. Подобно тому, как у Гоголя настойчиво звучит из уст обидчика оскорбительное для его противника слово «гусак», вновь разжигая угасшую было ссору, у Шаховского почти рефреном становится фраза «за собаку»: Вспышкин «проклял бы дочь свою, и за собаку!», «лишается имения, спокойствия, дочери, проклинает ее, и за что? За собаку!» [16, 33–34]. В произведениях и Шаховского, и Гоголя присутствует контаминация мотивов вплоть до «общих мест»: обличения несправедливого судейства, продажного чиновничества, с одной стороны, и страсти к разного рода тяжбам как психологической черте провинциального дворянства, – с другой. «Эта страсть к тяжбам и одновременно к самоуправству была, при условиях тогдашней дворянской жизни, некультурным проявлением самостоятельности в поступках и мнениях, проявлением энергии, уродливо развитой царящим вокруг произволом», – характеризовал это распространенное явление русской жизни Н. Котляревский [10, 61].

Сходные черты просматриваются и в характере завсегдага судов Сутягина из пьесы Шаховского. «Сутягин старинный воевода, затаскает по судам зятя моего до тех пор, пока оба вконец не разорятся», – характеризует его Брустверов [16, 12]. Сутягин – вариант традиционного комического образа педанта, он потрясает окружающих своей юридической «ученостью» (особенно показательна сцена «допроса по пунктам», устроенного героем Орефьевне). В его речевом поведении подчеркнуты специфическая судейская лексика, чиновничьи ухватки. С другой стороны, есть определенное сходство в перенасыщенных канцеляризмами и казуистикой репликах Сутягина и стилистике прошений, поданных гоголевскими Перерепенко и Довгочуном в миргородский суд. Комедия содержит сатиру на судейский произвол, несправедное судопроизводство, пьянство представителей правосудия (выяс-

няется, в частности, что всю водку на почтовом дворе выпил земский заседатель), лихоимство секретарей («... и не так напугаешься, как попадешь в лапы судьям, а пуще всего к секретарям: в них-то вся и закорючка, – угрожает Орефьевне Сутягин. – Я бывало смолоду и не таких, как ты, запугивал; они со страху несут ахиною, а нашему брату то и надо: что слово, то рублевик в карман» [16, 20]). Здесь, помимо прочего, прослеживается еще и связь с комедией В. В. Капниста «Ябеда», отношение к которой у Шаховского было чрезвычайно уважительным [15, 3–4]. Сатирическая составляющая, связанная с обличением судебных порядков, взяточничества «блюстителей закона», их неравнодушия к горячительным напиткам обнаруживается и в повести Гоголя.

Пьеса Шаховского содержит колоритные бытовые зарисовки, жанровые сцены, сатира в ней совмещена с мягким юмором, что можно безоговорочно отнести и к гоголевскому повествованию.

«Ссора» – одноактная пьеса, произведение малой драматургической формы, поэтому действие в ней предельно сжато, локализовано в одном месте (почтовый двор) и разворачивается в течение нескольких часов, что сообщает ему чрезвычайную напряженность и особую меру условности. Малый объем налагает жесткие ограничения и в сфере разработки интриги: согласно существовавшей драматургической традиции, основное сюжетное событие должно завершиться к финалу. Поэтому примирение «врагов», сколь бы ни было оно условно мотивировано, оказывается в конце комедии вполне возможным.

Оба автора не оставляют без внимания последствий ссоры. Герои Шаховского смогли в финале пьесы сделать то, что оказалось не под силу гоголевским персонажам, – помириться за чаркою (у Гоголя этот выход из ситуации, предложенный судьей, с возмущением отвергается Иваном Ивановичем). Однако тяжба приносит и Вспышкину, и Сутягину материальные потери. Вспышкин заложил в банк деревню, обедневший Сутягин сетует: «Бывало мы бирали, а нынче с нас берут» [16, 39]. У Перерепенко «старые, дедовские карбованцы», хранимые в «заветном сундуке», перетекают в «запачканные руки чернильных дельцов» [5, 274]. Но основные потери гоголевских героев – иного рода. У Гоголя разрушительные последствия тяжбы обозначены чертами физического упадка: некогда вполне здоровые и крепкие, герои превращаются в седых морщинистых стариков, которых трудно узнать, а Иван Иванович, к тому же, становится обладателем «тощей фигуры» [5, 275]. Вместе с тем, как обычно у Гоголя, физическое тесно сопрягается с духовным (об иерархии телесного и духовного начал у героев гоголевских произведений см.: [12, 117–151]), в данном случае физическое разрушение – это перенесение во внешний план распада духовного, что подтверждается финальным гоголевским пассажем: «Скучно на этом свете, господа!» [5, 276].

Герои Шаховского одержимы пагубными страстями (о чем сигнализируют и их фамилии), в них нет душевного мира. Эта проблематика оказалась близка и Гоголю: именно она организует сюжет его повести «о двух Иванах» («Такие сильные бури производят страсти!» [5, 274]). Оба автора дают своеобразный нравственный урок читателю (зрителю), разрабатывая – каждый по-своему – тему мертвящих душу низких страстей. Однако если у Шаховского, в соответствии с его творческими установками и законами жанра, получилась веселая пьеса, исполненная яркого внешнего комизма и не свободная от морализаторства («Худой мир лучше вздорной ссоры», – заключит в финале капитан Брустверов [16, 62]), то у Гоголя сюжет о соре переводится в иной смысловой регистр и выливается в напряженные размышления о пошлости и бездуховности человеческого существования, в горький финальный вывод о скуке, умерщвляющей живую человеческую душу. На уровне художественной формы забавный анекдот Шаховского превращается под пером Гоголя в печальную эпическую картину бездуховной жизни провинции.

Список использованных источников

1. Александрова И.В. К вопросу о типологии образа игрока в русской комедии 1820–1840-х годов (А. А. Шаховской и Н. В. Гоголь) // Вестник Крымских литературных чтений. 2009. Вып. 5. С. 3–13.
2. Александрова И.В. Литературный генезис образа лжеца в «Ревизоре» Н. В. Гоголя (Н. В. Гоголь и А. А. Шаховской) // Вопросы русской литературы. 1991. Вып. 1 (57). С. 102–107.
3. Арапов П.Н. Летопись русского театра. СПб.: Типография Н. Тиблена и К, 1861. 386 с.
4. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: РГГУ, 2002. 686 с.
5. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.-Л.: АН СССР, 1938. Т.2. 482 с.
6. Гозенпуд А.А. А.А. Шаховской // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1961. С. 5–71.
7. Журавлева А.И., Пенская Е.Н. Русская драма и литературный процесс XIX века: от Гоголя до Чехова. М.: Издательство МГУ, 1988. 198 с.
8. Зотов Р.М. Князь А.А. Шаховской // Репертуар и Пантеон. 1846. Т. 14. № 4. С. 7–36.
9. История русского драматического театра. В 7 т. Т. 3 / ред. Ю.А. Дмитриев, А.П. Клиничин и др. М.: Искусство, 1978. 352 с.
10. Котляревский Н. Николай Васильевич Гоголь, 1829-1842: Очерк из истории русской повести и драмы. СПб.: Типография М.М. Стасюевича, 1915. 572 с.

11. Лотман Ю.М. О «реализме» Гоголя // О русской литературе. СПб.: Искусство, 1997. С. 694–711.
12. Манн Ю.В. Творчество Гоголя. Смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 744 с.
13. Падерина Е.Г. О жанровой специфике пьесы Н.В. Гоголя «Игроки» // Новые гоголеведческие студии. 2005. Вып. 2 (13). С. 130–143.
14. Хализев В.Е. Драма как род литературы. М.: Изд-во МГУ, 1986. 262 с.
15. Шаховской А.А. Летопись русского театра // Репертуар русского театра на 1840 год. СПб., 1840. Т. 2. № 11. С. 1–18.
16. Шаховской А.А. Ссора, или Два соседа. Комедия в 1 действии. СПб.: Типография Императорских театров, 1821. 62 с.

THE COMEDY «THE QUARREL, OR TWO NEIGHBOURS»
BY A. A. SHAKHOVSKOY AND «THE STORY ABOUT THE
QUARREL BETWEEN IVAN IVANOVICH AND IVAN
NIKIFOROVICH» BY N. V. GOGOL

Aleksandrova Irina Viktorovna,

*Doctor of Philology, Professor
of Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
e-mail: iva-510@mail.ru*

«The quarrel or Two neighbours» by A. A. Shakhovskoy is analyzed in the article as one of the possible pretexts of «The story about the quarrel between Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich» written by Gogol. The main attention is paid to the plot and motive coincidences, methods of creating characters, constructing of comical situations and satiric irony.

Keywords: *comedy, comical character, motive, story, pretext, plot.*

References

1. Aleksandrova I.V. K voprosu o tipologii obraza igroka v russkoy komedii 1820-1840-h godov (A.A. Shakhovskoy i N.V. Gogol) [To the question of the typology of the image of the player in a Russian Comedy of the 1820-1840-ies (A.A. Shakhovskoy, and N.V. Gogol)] // Vestnik Krymskikh literaturnykh chteniy [Bulletin of The Crimean literary readings]. 2009. Vol. 5, pp 3-13.
2. Aleksandrova I.V. Literaturnyi genезis obraza lzheca v «Revizore» N.V. Gogolya (N.V. Gogol i A.A. Shakhovskoj) [The literary genesis of the image of the liar in «Revizor» by N.V. Gogol (N.V. Gogol and A.A. Shakhovskoi)] // Voprosy russkoy literatury [The questions of Russian literature]. 1991. Vol. 1 (57), pp. 102-107.

3. Arapov P.N. Letopis russkogo teatra [The annals of the Russian theatre]. St. Petersburg, Typography N. Tiblena i K. 1861. 386 p.
4. Vayskopf M.Ja. Syuzhet Gogolya: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst [The Gogol's plot: Morphology. Ideology. Context]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 2002. 686 p.
5. Gogol N.V. Polnoe sobranie sochineniy v 14 tomah [Complete Works in 14 vol.]. Moscow-Leningrad, The Sciences Academy of The USSR Publ., 1938. Vol. 2. 482 p.
6. Gozenpud A.A. A.A. Shakhovskoy [A.A. Shakhovskoy] // Shakhovskoy A.A. Komedii. Stihotvoreniya [A. A. Shakhovskoy. Comedies. Poems]. Leningrad, Sovetsky pisatel Publ., 1961, pp. 5-71.
7. Zhuravleva A.I., Penskaya Ye.N. Russkaya drama i literaturnyi process XIX veka: ot Gogolya do Chekhova [Russian drama and literary process of the XIXth century: from Gogol to Chekhov]. Moscow, Moscow State University Publ., 1988. 198 p.
8. Zotov R.M. Knyaz A.A. Shakhovskoy [Prince A.A. Shakhovskoy] // Repertuar i Panteon. 1846. Vol. 14. No 4. Pp7-36.
9. Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra [The history of The Russian drama theatre]. Vol 3 / Ed. Ju.A. Dmitriev, A.P. Klinchin and oth. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 352 p.
10. Kotlyarevskiy N. Nikolay Vasilyevich Gogol, 1829-1842: Ocherk iz istorii russkoy povesti i dramy [Nikolay Vasilievich Gogol, 1829-1842: Essay from the history of the Russian novel and drama]. St. Petersburg, Typography M.M. Stasyulevicha, 1915. 572 p.
11. Lotman Ju.M. O «realizme» Gogolya [About Gogol's «realism»] // O russkoy literature [About Russian literature]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1997. Pp. 694–711.
12. Mann Ju.V. Tvorchestvo Gogolya. Smysl i forma [Gogol's creativity. Meaning and form]. St. Petersburg, St. Petersburg university print., 2007. 744 p.
13. Paderina Ye.G. O zhanrovoy specifike pyesy N.V. Gogolya «Igroki» [About genre specific pieces by N.V. Gogol «Igroki»] // Novye gogolevedcheskie studii [New Gogol's researches]. 2005. Vol. 2 (13). Pp. 130–143.
14. Halizev V.Ye. Drama kak rod literatury [Drama as a kind of literature]. Moscow, Moscow State University Publ., 1986. 262 p.
15. Shakhovskoy A.A. Letopis russkogo teatra [The annals of The Russian theatre] // Repertuar russkogo teatra na 1840 god [The repertoire of the Russian theatre in 1840]. St. Petersburg, 1840. Vol. 2. No 11. Pp. 1–18.
16. Shakhovskoy A.A. Ssora, ili Dva soseda. Komediya v 1 deystvii [A quarrel, or Two neighbors. Comedy in 1 act]. St. Petersburg, Typography of Imperial theatres. 1821. 62 p.